

Алекса Икти

Бесконечность Трассы 66

Алекса Икти

Бесконечность Трассы 66

<https://litres.ru/74097746>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как далеко нужно уехать, чтобы сбежать от собственного прошлого?

Ей двадцать три. В её багажнике — старый винный Мустанг, полученный в наследство, а на запястье — серебряный браслет, сковавший её сердце мертвой хваткой старого обещания. Эмили Грин должна проехать всю Америку по легендарной Трассе 66, чтобы вернуть себе право на будущее.

Ему тридцать два. В его пикапе — старая акустическая гитара, пленочный фотоаппарат и сожженные мосты за спиной. Эдриан больше не пишет портретов и не снимает людей — предательство близких научило его доверять только пустынным пейзажам.

Две разбитые души, запертые в одном автомобиле посреди техасских гроз и бескрайних каньонов Аризоны. У них нет ничего общего, кроме раны, которая болит одинаково сильно. Но у дороги свои законы: чтобы полностью починить свою жизнь, иногда нужно окончательно сломаться там, где нет мобильной связи, но есть тот, кто обещал тебя не отпустить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Вызов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алекса Икти

Бесконечность Трассы 66

Пролог

Жизнь не ломается с громким треском. Она трещит по швам незаметно, как старая ткань, пока в один прекрасный день ты не обнаруживаешь себя в четыре часа утра перед блеклым экраном ноутбука, модерирюя чужие, чужие, бесконечно чужие жизни в социальных сетях.

Мне было двадцать три. Возраст, когда весь мир должен лежать у твоих ног, но мой мир сузился до размеров съемной квартиры в Чикаго и тонкого серебряного браслета со знаком бесконечности на левом запястье. Я надела его сама, пообещав человеку, который меня уничтожил, что сниму его только тогда, когда перестану ему принадлежать. Он выбросил свой браслет в первый же день после расставания. А я продолжала носить свои оковы, изо дня в день застревая в прошлом и панически боясь впустить в свою жизнь хоть кого-то.

Я думала, что так будет всегда. Пока в один из душных летних дней сухой адвокат не протянул мне латунные ключи от дедушкиного Форда Мустанга 1967 года.

У дороги свои законы. Ей плевать на твои страхи, твои

принципы и твоё разбитое сердце. Она просто заставляет тебя нажать на газ. И иногда, чтобы полностью починить свою жизнь, тебе нужно сначала окончательно сломаться посреди пустынной трассы, где нет мобильной связи, но есть тот, кто готов держать тебя за руку.

Глава 1 Вызов

*«Самые важные встречи происходят
именно тогда, когда наши
планы рушатся, превращаясь в
дорожную пыль».*

Алекса Икти

Солнце в Чикаго сегодня не щадило никого, но здесь, на заднем дворе автомастерской, жара казалась особенно удушяющей. Воздух, пропитанный плотными ароматами нагретого асфальта, дешевого растворителя и жженой резины, буквально застревал в горле.

Эмили сделала глубокий вдох, но вместо успокоения почувствовала, как к горлу подступает знакомый, липкий комок тревоги. Ей отчаянно хотелось поправить воротник блузки, но пальцы замерли, сжатые в кулаки. Она ненавидела сюрпризы. Любые. Для человека, чья жизнь последние три года была выверена до секунды и разложена по безопасным полочкам, любой сюрприз равнялся катастрофе. А этот... этот пах машинным маслом, старой кожей и безумием.

Прямо перед ней, занимая почти всю смотровую площадку, стоял хищник.

Это был «Форд Мустанг» 1967 года. Его кузов, выкрашенный в глубокий, почти черный винный оттенок, напоминал дорогое выдержанное каберне, которое на солнце вспыхи-

вало кроваво-красными искрами. Хромированные бамперы были начищены до такого зеркального блеска, что Эмили видела в них свое искаженное, бледное лицо и растрепавшиеся от ветра темные пряди. Машина выглядела безупречно, вызывая дорого и совершенно чужеродно для Эмили.

Сбоку от автомобиля стоял мистер консервативность — адвокат её покойного дедушки. В своем безупречном трехбортном костюме-тройке угольного цвета и накрахмаленной рубашке он смотрелся среди разбросанных покрышек и ржавых домкратов как пингвин в пустыне. Он даже не вспотел. На его лбу не было ни капли пота, только сухая, пергаментная кожа морщилась, когда он сверял что-то в своем планшете.

— Он Ваш, мисс Грин. Полностью на ходу, бак заправлен, документы переоформлены, — сухо, без тени эмоций произнес адвокат. Его голос прозвучал как шелест старых юридических бланков.

Он протянул руку. На его ладони лежал массивный, потертый ключ зажигания, соединенный тяжелым латунным брелоком с гравировкой в виде раскинувшего крылья орла.

Эмили не двинулась с места. Она перевела взгляд с ключа на хищный силуэт Мустанга. Сердце сделало предупреждающий, болезненный толчок в груди. Дедушка Артур. Даже с того света он умудрялся нарушать её границы.

— Я не могу его принять, мистер Фогг. Продайте его. Деньги переведите на счет фонда, как мы обсуждали, — её

голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но в нем была твердость. — Мне не нужна машина. У меня даже нет... нормального опыта вождения в черте города.

Адвокат не опустил руку. Вместо этого он аккуратно, кончиками пальцев поправил очки на переносице и снова заглянул в экран планшета, словно читал смертный приговор.

— Продать его Вы не можете, мисс Грин. Это запрещено особым пунктом завещания Вашего деда, — он сделал паузу, дожидаясь, пока Эмили посмотрит ему прямо в глаза. — Более того, этот автомобиль — лишь первая, меньшая часть Вашего наследства. Основной трастовый фонд, включающий дом в пригороде Чикаго и ценные бумаги, заблокирован.

— Что значит заблокирован? — Эмили сделала шаг вперед, и подошва её туфель противно скрипнула по гравию.

— Это значит, что Вы получите оставшуюся часть наследства только в том случае, если выполните одно условие, — адвокат вывел на экран длинный список. — Вы должны лично, самостоятельно доехать на этой машине от этого двора до Сан-Франциско. Никаких поездов. Никаких авиабилетов. Ваш маршрут должен пройти строго по старой Трассе 66. От самого начала и до конца.

Эмили на мгновение показалось, что у неё начались слуховые галлюцинации.

— Трасса 66? Это... это почти четыре тысячи километров! Через пустыни? На старом куске железа пятидесятилетней давности?!

— Три тысячи девятьсот сорок километров, если быть точным, — педантично поправил мистер Фогг. — И это еще не всё. Чтобы подтвердить честность выполнения условий, в каждом городе из списка, который я сейчас отправлю Вам на почту, Вы обязаны купить бумажную открытку. Вы должны собственноручно написать на ней текущую дату и Ваше имя и отправить её на адрес моей конторы. На каждой открытке должен стоять четкий штампель местного почтового отделения. Без пропусков. Если хотя бы один город будет пропущен — траст аннулируется, а имущество перейдет дальним родственникам по линии Вашей мачехи.

Он сделал шаг и буквально вложил холодный металлический ключ в её онемевшую ладонь. Тяжелый латунный брелок больно вдавился в кожу.

— Вылет Вашей мачехи и её адвокатов в Сан-Франциско назначен на конец месяца. Они будут ждать Вас в финальной точке, чтобы оспорить завещание, если Вы нарушите хотя бы одно слово из воли Артура Грина. Время пошло, Эмили. Выезжать нужно сегодня.

Адвокат слегка наклонил голову в знак прощания, повернулся на каблуках и направился к выходу со двора, оставляя Эмили один на один с чикагским солнцем, неподъемным прошлым и винным Мустангом, который казался ей не подарком, а красивой, блестящей клеткой на колесах.

Эмили перевела взгляд с зажатых в кулаке ключей на бесконечную, подернутую предвечерним маревом серую ленту

дороги. Асфальт уходил за горизонт, растворяясь в душном воздухе, и эта пустота впереди пугала её до дрожи в коленях. Последние три года её жизнь была похожа на затянувшийся день сурка. Четыре стены съемной квартиры на окраине, тусклый экран тринадцатидюймового ноутбука и монотонная, изнуряющая удаленная работа. Она часами модерировала чужие посты в соцсетях. Чужие гляцевые путешествия, чужие счастливые улыбки, чужие идеальные жизни — терабайты чужого мусора, который она процеживала сквозь себя, пока её собственный мир сужался до размеров кухонного стола. Ей было двадцать три, и в глубине души она понимала: она застряла. Она понятия не имела, что делать со своим будущим, куда идти и кем быть.

Идея сорваться и проехать через всю страну на старом автомобиле казалась чистейшим, концентрированным безумием. В Чикаго Эмили едва справлялась с навигатором в пределах родного квартала, цепenea каждый раз, когда нужно было перестроиться в плотном потоке. Но винный «Мустанг» словно чувствовал её слабость. Он тускло, но упрямо поблескивал хромированными бамперами под пронзительным, неестественно синим небом Иллинойса, как будто бросал ей немой вызов: *«Ну же, Эмили. Или ты струсил и отдашь всё, или наконец нажмешь на газ»*. И она нажала.

Через три дня иллюзии рассеялись, уступив место суровой реальности. Чикаго с его высотками и понятной инфраструктурой остался далеко позади, а пейзаж за окном окон-

чательно сменился бескрайними, качающимися на ветру кукурузными полями. Именно тогда Эмили впервые горько, до слез пожалела о своем решении.

Катастрофа случилась на полупустой, пропахшей бензином заправке где-то на самой границе со штатом Миссури. Прямо посреди подъездной дорожки старый, капризный карбюратор Мустанга издал тяжелый, жалобный вздох, похожий на предсмертный хрип, дернулся и заглох. Бортовой компьютер? Его здесь не было. Сенсорный экран? Забудьте. Только глухая, мертвая тишина из-под капота.

Минут через десять бесплодных попыток завести мотор Эмили сдалась. Абсолютно растерянная, с перемазанными в дорожной пыли пальцами, она сидела прямо на широком, раскаленном капоте машины. Из-под приоткрытой крышки радиатора тонкой, зловещей струйкой поднимался сизый горячий пар, который тут же растворялся в сухом степном воздухе. Мобильная связь здесь ловила через раз, эвакуаторы стоили космических денег, а кукурузные стебли вокруг шумели так громко, словно смеялись над её беспомощностью. Эмили готова была разрыдаться от подступающей паники.

В этот самый момент тяжелая деревянная дверь придорожного кафе со скрипом отворилась.

На пороге появился парень. Первое, что бросалось в глаза, — старый пленочный фотоаппарат, небрежно покачивающийся на его шее на потертом кожаном ремешке. В одной руке он уверенно держал большой картонный стаканчик с

заправочным кофе, от которого поднимался тонкий, ароматный парок, контрастирующий с техническим паром от сломанного автомобиля.

Он не торопился. Парень остановился, щурясь от яркого солнца, и пару секунд просто разглядывал живописную, но драматичную картину: роскошный винтажный Мустанг» винного цвета, закипающий посреди глуши, и бледная, испуганная девушка, которая смотрела на него так, словно он был инопланетянином. На его губах заиграла едва заметная, легкая полуулыбка. Он сделал глоток кофе, перехватил стаканчик поудобнее и не спеша направился прямо к замершей на капоте Эмили.

Он остановился всего в паре шагов от капота, и Эмили невольно поймала себя на том, что слишком пристально, почти непозволительно долго разглядывает его лицо. В его облике не было ничего от типичных обитателей провинциальных заправок. Короткие, небрежно уложенные темные волосы, невероятно длинные, густые ресницы и пронзительные зеленые глаза, которые сейчас с легким прищуром смотрели на нее.

Парень снова перехватил картонный стаканчик, перенес вес тела на одну ногу. Эмили тут же скользнула взглядом по его кистям и замерла. Его руки были ухоженными, с тонкими, длинными, изящными пальцами. Музыкальные или, скорее, руки художника — они абсолютно не походили на широкие, мозолистые ладони здешних автомехаников, кото-

рые ей довелось увидеть за последние три дня пути.

— Красивая машина, — нарушил он тишину. Его голос оказался неожиданно низким, с приятной, бархатистой ноткой, которая странным образом заставила Эмили внутренне подобраться.

Он улыбнулся самым уголком губ, обнажая ровные зубы, и понимающе кивнул в сторону закипевшего, исходящего сизым паром радиатора.

— Похоже, твоей американской классике нужно остыть, — добавил он. Зеленые глаза вновь сфокусировались на лице Эмили, в них промелькнула едва уловимая искорка азарта. — Или тот, кто умеет с ней обращаться.

Эмили растерянно моргнула, чувствуя, как под этим пристальным взглядом к горлу снова подкатывает волна смущения. Она сидела на капоте в своей помятой дорожной одежде, с растрепанными волосами, абсолютно беспомощная, в то время как этот незнакомец держался так уверенно, словно поломка раритетного автомобиля пятидесятилетней давности посреди глуши Миссури была для него самым обычным делом.

Эмили неопределенно пожала плечами, изо всех сил стараясь выглядеть равнодушной и независимой. Она отвернулась в сторону кукурузного поля, делая вид, что её безумно интересует местный пейзаж, хотя внутри всё болезненно сжималось от глухой досады на саму себя, на дедушку и на этот чертов автомобиль. Больше всего на свете она сейчас

боялась показаться жалкой.

Парень тем временем воспринял её молчание как молчаливое согласие. Он подошел еще ближе, неумолимо сокращая расстояние между ними, и небрежным, отточенным движением поставил свой горячий кофе прямо на лакированное винное крыло Мустанга. Эмили внутренне поморщилась — дедушка Артур за такую вольность с его машиной, наверное, лишил бы парня наследства, но вслух ничего не сказала.

Незнакомец уверенно заглянул под открытый капот, откуда всё еще лениво струился пар. Эмили, оставшись сидеть на крыле, снова поймала себя на том, что её взгляд тактильно, почти физически прикован к его рукам. В полумраке подкапотного пространства эти руки смотрелись еще более странно и чужеродно. Кожа на его аккуратных, длинных пальцах была удивительно чистой, без единого въевшегося следа мазута, машинного масла или дорожной грязи, которые обычно въедаются в кожу автомехаников намертво. Ногти были ровно, аккуратно подстрижены. Эти руки явно были созданы для какой-то тонкой, деликатной работы, но точно не для перебора старого американского железа.

В следующую секунду Эмили поймала себя на совершенно глупой, неуместной и оттого пугающей мысли. Она резко, испуганно опустила взгляд чуть ниже, переводя его на левую руку парня. Сердце в груди почему-то сделало глухой, внезапный толчок и забилось заметно быстрее, отдаваясь пуль-

сом в ушах. Зачем она это делает? Зачем смотрит туда?

Она отчаянно попыталась рассмотреть его безымянный палец. Глаза выискивали на загорелой коже тонкий золотой или платиновый ободок обручального кольца. Или хотя бы бледный, незагорелый след от него, который обычно остается, если кольцо поспешно снимают перед работой. Но парень двигался слишком быстро. Он ловко и на удивление знающе орудовал под капотом: проверял натяжение ремней, подергивал высоковольтные провода и проверял надежность крепления шлангов радиатора. Из-за его быстрых, точных движений и того, что левая ладонь постоянно оставалась в глубокой тени массивного воздушного фильтра, рассмотреть палец было решительно невозможно. Она всматривалась до рези в глазах, ловя каждое движение его кисти, но так и не смогла понять главного — занят этот парень или свободен.

— Ничего страшного, просто отошел контакт радиатора, — раздался его ровный, спокойный голос, который мгновенно разрушил тишину и буквально силой вернул Эмили назад к реальности.

Она вздрогнула, словно её поймали на чем-то постыдном. Парень уверенно выпрямился, закрывая тему ремонта, и небрежным движением вытер ладони о свои поношенные джинсы. На его губах снова заиграла та самая едва заметная, открытая улыбка. Он слегка повернулся и кивнул головой в сторону противоположного края заправки, указывая на припаркованный неподалеку старый, изрядно потрепанный вре-

менем пикапа. Машина выглядела так, словно проехала не одну сотню тысяч миль по пыльным дорогам Америки. Но внимание Эмили привлекло другое: через заднее стекло пикапа, прямо на пассажирском сиденье, отчетливо виднелся большой, кожаный чехол от акустической гитары, надежно пристегнутый ремнем безопасности.

— Я еду в сторону Сент-Луиса, — продолжил незнакомец, переводя взгляд с пикапа обратно на нее. — Могу приглядеть за твоим винным красавцем по дороге, если ты не против компании. Меня зовут Эдриан.

Эмили замерла посреди залитого безжалостным солнцем двора, чувствуя, как к щекам стремительно и неудержимо приливает обжигающий, удушливый жар. Прямота Эдриана, его обезоруживающее предложение поехать вместе и этот внимательный, глубокий, абсолютно немигающий взгляд пронзительных зеленых глаз застали её врасплох, выбив остатки почвы из-под ног. Она чувствовала себя беззащитной, словно её читали как открытую книгу. Эмили совершенно не привыкла к такому отношению — честному, открытому, лишённому фальши и скрытых мотивов.

Парни из её прежней, чикагской жизни редко совершали бескорыстные поступки. В том глянцевом и фальшивом мире, который она каждый день видела через экраны чужих соцсетей, всё имело свою цену, а за любую услугу требовали плату. Её последние отношения, закончившиеся тяжелым, грязным разрывом всего полгода назад, и вовсе отучили до-

верить людям, выжгли в ней способность верить кому-либо на слово. Тогда её предали самым жестоким образом — тихо, расчетливо, оставив одну собирать осколки разрушенной жизни и веры в себя. Тот человек просто стер её из своей реальности, заставив почувствовать себя никчемной, лишней, абсолютно ненужной вещью.

Эмили до сих пор во всех деталях, до тошноты помнила то липкое, удушающее чувство рабской психологической зависимости от мужчины, когда её собственное настроение, планы и самооценка полностью подчинялись чужому капризу. Именно тогда, сидя на полу в пустой съемной квартире, она дала себе священную клятву: больше никогда. Ни при каких обстоятельствах она не увязнет в мужчинах так сильно, чтобы снова не оказаться разбитой вдребезги. Рассчитывать только на себя. Выстроить стены. Не подпускать близко.

Но этот парень ломал все её настройки. Эдриан непреодолимо привлекал её. Ему было на вид около тридцати двух лет — этот зрелый возраст безошибочно читался в его уверенных, лишенных суеты движениях, в едва заметных, благородных морщинках-лучиках у внешних уголков глаз и каком-то спокойном, мудром, чисто взрослом взгляде человека, который уже успел пожить, многое повидал и точно знает цену словам. За его плечами явно угадывалась своя история, возможно, не менее сложная, чем у неё.

И именно этот внезапный, горячий внутренний импульс, эта мгновенная ментальная вспышка интереса к незнакомцу

напугала Эмили сильнее всего на свете. Это было опасно. В ту же секунду в её голове со страшным грохотом включился защитный механизм. Разум забил тревогу, требуя немедленно выставить щиты, спрятаться обратно в свою раковину и сбежать, пока этот зеленоглазый мужчина с гитарой на сиденье не подобрался к её уязвимому сердцу слишком близко.

— Эдриан, спасибо тебе огромное, ты меня очень выручил, — Эмили мягко, почти виновато улыбнулась, прикладывая колоссальные усилия, чтобы её голос не дрожал от волнения и внезапного избытка эмоций.

Она нервным, чисто девичьим жестом заправила непослушную прядь волос за ухо и сделала медленный шаг назад, ближе к спасительной водительской двери своего Мустанга. Расстояние между ними увеличилось, и дышать сразу стало чуточку легче.

— Но я, пожалуй, поеду сама, — добавила она, стараясь придать словам твердость, которой на самом деле не чувствовала. — Мне нужно побыть одной, разобраться с мыслями в этой дороге. Это личное. Счастливого пути.

Эдриан не стал спорить или навязываться. Он лишь понимающе и немного грустно приподнял густые брови. В его пронзительных зеленых глазах на мгновение промелькнула едва уловимая тень — глубокая, болезненная вспышка, будто слова Эмили о необходимости побыть одной и разобраться с мыслями отозвались в его душе чем-то до боли знакомым и глубоко личным.

Он молча поднял картонный стаканчик с кофе левой рукой, и Эмили, внимательно следившая за каждым его мимолетным движением, наконец заметила то, что искала. На его безымянном пальце действительно не было кольца — кожа там была ровного загорелого оттенка.

— Понимаю. Дорога — лучшее лекарство для мыслей, — деликатно ответил он, отступая на шаг назад и окончательно возвращая ей личное пространство.

В его голосе не было ни капли обиды за этот вежливый отказ — только редкое для мужчин уважение к чужим границам. Эдриан сделал еще шаг назад, уступая ей пространство и возвращая полный контроль над ситуацией.

— Удачи, Эмили. Пусть эта дорога даст тебе то, что ты ищешь.

Она кивнула в знак прощания, села за руль, повернула ключ и с глубоким облегчением услышала уверенный рев ожившего мотора. Плавно выехав с заправки, девушка вырулила на пустую, залитую солнцем трассу. Свобода. Чистая, пьянящая свобода, от которой по телу разлилось приятное тепло. Внутри неё росла законная гордость за саму себя: она смогла проявить характер, мягко, но непоколебимо отказала привлекательному незнакомцу и осталась верной своим границам. Она не впустила чужака в свой мир и доказала, что способна со всем справиться в одиночку.

Эмили крепче, до побеления костяшек, перехватила кожаный обод руля, и в тишине салона негромко звякнул

тонкий серебряный браслет на её левом запястье. Фигурный знак бесконечности тускло блеснул в лучах полуденного солнца. Этот браслет Эмили носила до сих пор, сама не зная зачем. Он словно держал её мертвой хваткой, невидимыми, но прочными оковами привязывая к болезненному прошлому. Он не позволял оставить предательство позади, изо дня в день напоминая о разбитых надеждах, невыполненных обещаниях и о том, как сильно она обожглась, когда растворилась в другом человеке. Холодный металл на коже будто шептал: *«Ты никогда не освободишься»*.

Но капризный винный Мустанг думал совершенно иначе. Ровно через две мили триумф и независимость Эмили разлетелись вдребезги.

Внезапно из-под капота раздался жуткий, скрежещущий металлический звук, от которого по спине пробежал ледяной пот, а из дефлекторов кондиционера прямо в салон с шипением повалил густой, едкий белый дым.

Старая машина окончательно и бесповоротно умерла посреди пустынной загородной трассы. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилались лишь бескрайние, шумящие на ветру кукурузные поля, и не было ни малейшего намека на цивилизацию, попутные машины или мобильную связь. На экране телефона, который она судорожно схватила с пассажирского сиденья, сиротливо горел пустой значок сети. Она осталась абсолютно одна против американской глуши и собственного страха.

На глаза Эмили мгновенно навернулись горячие, жгучие слезы абсолютного, звенящего бессилия. Она тяжело дышала, когда распахнула водительскую дверь и практически вывалилась из задымленного салона наружу, на раскаленный асфальт обочины. Гордость, которая еще пару минут назад приятно согревала изнутри, теперь казалась глупой и неуместной. Эмили стояла у винного крыла затихшего Мустанга, обхватив себя руками за плечи, и судорожно всхлипывала. Тонкий серебряный браслет на запястье больно врезался в кожу, словно насмехаясь над её попыткой сбежать от судьбы и доказать всему миру свою независимость. Это был крах. Четыре тысячи километров пути, трастовый фонд, воля дедушки — всё это сгорело вместе с мотором посреди бескрайних полей.

Но не прошло и пары минут, как сквозь плотный шум ветра в кукурузных стеблях и её собственное прерывистое дыхание послышался знакомый, низкий рокот. Эмили испуганно подняла голову и быстро вытерла слезы тыльной стороной ладони, размазывая по щеке дорожную пыль.

Из-за пологого поворота дороги медленно, словно никуда и не торопился, выкатился тот самый потрепанный пикап.

Эдриан плавно притормозил в нескольких метрах от окутанного белым паром Мустанга. Стекло с тихим жужжанием опустилось, и парень, окинув коротким, оценивающим взглядом масштаб дорожной катастрофы, посмотрел на неё своими пронзительными зелеными глазами. В его лице и го-

лосе не было ни капли издевки, высокомерия или торжествующего «я же говорил». Он не собирался читать ей нотации или упиваться своей правотой — только спокойная, взрослая уверенность человека, который г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.